

**Постоянное
представительство
Российской Федерации
при Организации
Объединенных Наций**

*136E 67th Street
New York, NY 10065*

**Permanent Mission
of the Russian Federation
to the United Nations**

Phone: (212)861-4900

*Fax: (212)628-0252
517-7427*

Нью-Йорк, 8 октября 2013 г.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА ПО ВОПРОСАМ
БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗОРУЖЕНИЯ МИД РОССИИ,
ПРЕДСТАВИТЕЛЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В ПЕРВОМ КОМИТЕТЕ 68-й СЕССИИ ГА ООН М.И.УЛЬЯНОВА
В РАМКАХ ОБЩЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ**

Уважаемый господин Председатель,

Позвольте поздравить Вас с избранием на этот ответственный пост и пожелать успеха в предстоящей работе. Разумеется, Вы можете рассчитывать на поддержку российской делегации.

Из обширной повестки дня Первого комитета мы выбрали для данного выступления несколько тем, которые представляются на сегодняшний день наиболее злободневными.

Это, во-первых, вопросы ядерного разоружения в контексте поддержания стратегической стабильности. С момента подписания Договора о нераспространении ядерного оружия Россия и США во исполнение своих обязательств по его ст.VI достигли и реализовали целый ряд фундаментальных договоренностей о сокращении ядерных арсеналов. Назовем прежде всего

Договор 1987 года о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, Договор 1991 года о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений, Договор 2002 года о сокращении стратегических наступательных потенциалов, известный как Московский договор. Наконец, в 2010 году был заключен Договор о дальнейших мерах по ограничению и сокращению стратегических наступательных вооружений, который успешно претворяется в жизнь. Чтобы не обременять цифрами, напомним, что только по Договору о СНВ 1991 г. Россия почти в 6 раз сократила количество развернутых стратегических боеприпасов – с 9000 до 1700, ликвидировала 1600 пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ), более 3100 МБР и БРПЛ, порядка 50 ракетных подводных лодок стратегического назначения и около 70 тяжелых бомбардировщиков. Подчеркнем еще раз, что это только по одному из четырех вышеназванных соглашений. Уместно добавить, что ликвидация только одной стратегической ракеты обходится в сумму, достигающую 1 млн долл.

В результате, по некоторым оценкам, ядерные потенциалы России и США опустились до уровней, имевшихся во второй половине 50-х годов, за почти полтора десятка лет до вступления ДНЯО в силу. Знаем, что многие государства не очень довольны темпами ядерного разоружения, но нельзя отрицать, что две ведущие ядерные державы добросовестно, не на словах, а на деле, выполняют свои обязательства по первой части ст. VI ДНЯО. К сожалению, этого не скажешь об обязательствах по второй части этой статьи, которая неразрывно связана с первой и предусматривает проведение переговоров о всеобщем и полном разоружении. Более того, вторая часть обязательств зачастую предается полному забвению, а ст. VI ДНЯО подается как касающаяся исключительно сферы ответственности ядерных держав. Не можем согласиться с такой интерпретацией, которая вряд ли соответствует букве ДНЯО.

Заключение в 2010 г. Договора о СНВ породило новые ожидания в сфере ядерного разоружения. Это в принципе понятно и даже, наверное, закономерно. Россия полностью разделяет благородную цель освобождения планеты от оружия массового уничтожения, включая ядерное. Но решение этой без преувеличения эпохальной задачи требует адекватных, всеобъемлющих и тщательно выверенных подходов. Необходимо скрупулезнейшим образом выстраивать приоритеты и первоочередные шаги, а как раз с этим дело, на наш взгляд, обстоит не вполне благополучно.

Основные усилия сейчас фокусируются на выработке всякого рода декларативных заявлений, выдвижении далекоидущих инициатив, пренебрегающих принципом поэтапности ядерного разоружения, а также на неожиданно выдвинутой на первый план тематики гуманитарных последствий применения ядерного оружия. Как следствие, сложнейшая проблема переводится в плоскость преимущественно публичной дипломатии. При этом общестратегический контекст отходит на задний план.

Не думаем, что это оптимальный и кратчайший путь к достижению нашей общей цели. С точки зрения реальной политики нельзя закрывать глаза на то очевидное обстоятельство, что общая обстановка в современном мире отнюдь не благоприятствует достижению новых договоренностей в сфере ядерного разоружения. Происходит разбалансировка международных отношений, прежде всего в военно-политической области. Набирают силу негативные факторы, подрывающие стратегическую стабильность. Сильнейшим вызовом задаче построения безъядерного мира становятся односторонние планы создания глобальной системы противоракетной обороны. Порочность этих планов в их нынешнем виде состоит, в частности, в том, что они противоречат зафиксированному в базовых документах ОБСЕ принципу недопустимости укрепления собственной безопасности за счет безопасности других государств. Несоблюдение этого принципа, учитывая неразрывную взаимосвязь

стратегических оборонительных и стратегических наступательных вооружений, может иметь крайне негативные последствия для всей системы современных международных отношений, включая разоруженческую повестку дня.

Суммируя, хотели бы еще раз подчеркнуть важность того, чтобы подходы международного сообщества к задаче дальнейшего сокращения ядерных вооружений были адекватны реальным потребностям и реальным приоритетам. Например, для Российской Федерации катастрофичность и неприемлемость любого применения ядерного оружия является самоочевидной и не нуждающейся в дальнейших дискуссиях. Если кто-то полагает, что в этом вопросе еще нет полной ясности, мы не исключаем целесообразности новых международных встреч по гуманитарным последствиям использования ядерных вооружений. Важно, однако, чтобы это не отвлекало внимания от более важной цели создания благоприятных условий для дальнейших ядерных сокращений. Помимо ПРО необходимо сконцентрировать усилия на урегулировании проблем, связанных с планами реализации концепции «молниеносного глобального удара», дисбалансами в области обычных вооружений, недостаточным прогрессом на пути к вступлению в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и т.д.

Еще одним фактором, негативно влияющим на стратстабильность и затрудняющим переход к новым договоренностям по ядерному оружию, является отсутствие юридически обязывающего запрета на размещение оружия в космосе. Российско-китайский проект договора, призванного восполнить этот пробел, давно лежит на столе Женевской Конференции по разоружению, но, к сожалению, без всякого движения. Между тем, задача предотвращения гонки вооружений в космосе с каждым годом становится все более актуальной. В технологическом плане вероятность размещения оружия в космическом пространстве неуклонно возрастает, а отсутствие консенсуса в отношении запуска переговоров по российско-китайскому проекту говорит если не о

наличии соответствующих планов в некоторых столицах, то по крайней мере об их стремлении сохранить себе полную свободу рук.

В этих условиях важное значение приобретают промежуточные шаги на пути к сохранению космоса мирным. Имеем в виду прежде всего итоги работы Группы правительственных экспертов (ГПЭ) ООН по мерам транспарентности и доверия в космической деятельности (МТДК). Благодарим всех правительственных экспертов за конструктивную поддержку российского председательства в этой Группе. Совместными усилиями удалось принять содержательный консенсусный доклад, представленный на рассмотрение нынешней сессии Генассамблеи ООН.

Россия совместно с КНР намерена представить на рассмотрение обновленный проект традиционной резолюции по МТДК. Призываем все заинтересованные государства к соавторству и рассчитываем на консенсусное одобрение проекта.

Другим перспективным направлением работы считаем продвижение инициативы, предполагающей отказ государств от размещения первыми в космосе оружия любого вида. Напомним, что Россия первой взяла на себя соответствующее политическое обязательство еще девять лет назад на 59-й сессии ГА ООН. К этой инициативе почти сразу присоединились все государства – члены Организации Договора о коллективной безопасности, а за последний год – Бразилия, Индонезия и Шри-Ланка. Интерес к подписанию соответствующих заявлений проявляют еще целый ряд государств, разделяющих мнение о важности срочных шагов по предотвращению вепонизации космического пространства. Надеемся на придание этой инициативе универсального характера через принятие резолюции Генеральной Ассамблеи либо на нынешней, либо на следующей сессии.

Переходя к проблематике нераспространения, хотели бы особо подчеркнуть необходимость скорейшего созыва Конференции по созданию на

Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного и других видов оружия массового уничтожения. Глубоко сожалеем, что это мероприятие не состоялось в 2012 г., хотя Россия прилагала и продолжает прилагать все усилия для выполнения соответствующего мандата. Считаем необходимым максимально использовать дополнительный импульс работе в этом направлении, который появился благодаря ответственному решению Сирии отказаться от обладания химическим оружием и достижению российско-американских договоренностей об уничтожении этих арсеналов, воплощенных 27 сентября в решении Исполнительного совета Организации по запрещению химического оружия и резолюции 2118 СБ ООН.

В практическом плане полагаем, что интересам скорейшего созыва Конференции по ЗСОМУ на Ближнем Востоке отвечало бы безотлагательное проведение в Женеве подготовительных консультаций с участием всех стран региона.

В заключение, г-н Председатель, хотелось бы сказать несколько слов относительно ситуации на женевской Конференции по разоружению, работа которой вот уже около пятнадцати лет остается фактически парализованной из-за отсутствия согласия по программе работы. Наш анализ подсказывает, что выход на консенсус более вероятен в том случае, если ориентироваться на принятие упрощенной программы с дискуссионными мандатами по всем четырем ключевым вопросам повестки дня. Это позволило бы начать предметную работу с сохранением перспективы перехода к переговорам, когда для этого созреют необходимые условия. Хотели бы призвать всех партнеров по Конференции проявить в этом отношении гибкость и готовность к компромиссам.